

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Город проклятых

1

Писатель всегда помнит и свой первый гонорар, и первые хвалебные отзывы на поведанную миру историю. Ему не забыть тот миг, когда он впервые почувствовал, как разливается в крови сладкий яд тщеславия, и поверил, будто литературная греза (если уж волею случая его бездарность осталась незамеченной) способна обеспечить ему кров над головой и горячий ужин на склоне дня. Тот волшебный миг, когда сокровенная мечта стала явью и он увидел свое имя, напечатанное на жалком клочке бумаги, которому предстоит прожить дольше человеческого века. Писателю суждено запомнить до конца дней это головокружительное мгновение, ибо к тому моменту он уже обречен и за его душу назначена цена.

Мое крещение состоялось в далекий декабрьский день 1917 года. Мне тогда исполнилось семнадцать лет, и я работал в «Голосе индустрии», газете, едва сводившей концы с концами. Она размещалась в мрачном строении, где прежде находилась фабрика по производству серной кислоты: ее стены все еще источали ядовитые испарения, разъедавшие мебель, одежду, дух и даже подошвы ботинок. Резиденция издательства находилась за кладбищем Пуэбло-Нуэво, возвышаясь над лесом крылатых ангелов и крестов. Издалека силуэт здания сливался с очертаниями пантеонов,

6 выступавших на горизонте, истыканном ды-
моходами и фабричными трубами, которые
ткали вечный багряно-черный покров заката, вста-
вавшего над Барселоной.

Однажды вечером моя жизнь, резко изменив на-
правление, потекла по иному руслу. Дон Базилио Мо-
рагас, заместитель главного редактора газеты, незадол-
го до сдачи номера в набор соблаговолил вызвать меня
в комнатку, служившую то кабинетом, то куритель-
ной. Дон Базилио носил пышные усы и выражением
лица напоминал громовержца. Он не терпел глупостей
и придерживался теории, будто обильное употребле-
ние наречий и чрезмерная адъективация* — удел из-
вращенцев и малахольных. Если обнаруживалось, что
сотрудник редакции тяготеет к цветистой прозе, дон
Базилио на три недели отправлял виновного состав-
лять некрологи. Но если, пройдя чистилище, бедняга
грешил снова, дон Базилио навечно ссылал его в отдел
домашнего хозяйства. Мы все трепетали перед ним,
и он об этом знал.

— Вы меня звали? — робко обратился я к нему
с порога.

Заместитель главного редактора неприязненно
покосился на меня. Я вошел в кабинет, пропахший
потом и табаком, причем именно в такой последова-
тельности. Дон Базилио, не обращая на меня внима-
ния, продолжал бегло просматривать статью — одну из
множества заметок, лежавших на письменном столе.
Вооружившись красным карандашом, заместитель ре-
дактора безжалостно правил и кромсал текст, бормоча
нелицеприятные замечания, точно меня в комнате не

* Адъективация (от *лат.* *adjectivum* — прилагательное) —
переход других частей речи в прилагательные. — *Здесь и да-
лее примеч. пер.*

было. Я понятия не имел, как себя вести, и, заметив у стены стул, сделал поползновение сесть.

7

— Кто вам разрешал садиться? — пробурчал дон Базилио, не поднимая глаз от бумаги.

Я поспешно вскочил и затаил дыхание. Заместитель главного редактора вздохнул, бросил красный карандаш и, откинувшись на спинку кресла, оглядел меня ног до головы с таким недоумением, словно увидел нелепую ошибку природы.

— Мне сказали, что вы пишете, Мартин.

Я проглотил комок в горле и, открыв рот, услышал с удивлением свой срывающийся, нелепо тонкий голос:

— Ну, немного, не знаю. Я хочу сказать, что да, конечно, пишу...

— Надеюсь, пишете вы лучше, чем говорите. Не будет ли бестактным спросить, что же вы пишете?

— Криминальные рассказы. Я имею в виду...

— Я уловил основную мысль.

Дон Базилио одарил меня непередаваемым взглядом. Если бы я признался, что мастерю из свежего навоза фигурки для вертепа, это явно воодушевило бы его намного больше. Он снова вздохнул и пожал плечами:

— Видаль говорит, что вы ничего. Будто бы выделяетесь на общем фоне. Правда, при отсутствии конкуренции в наших пенатах не приходится лезть из кожи вон. Но если Видаль так говорит...

Педро Видаль являлся золотым пером «Голоса индустрии». Он вел еженедельную колонку происшествий — только ее и можно было читать из всего выпуска. Видаль также написал примерно с дюжину умеренно популярных авантюрных романов о разбойниках из Раваля, заводивших альковные интриж-

8 ки с дамами из высшего света. Видаль носил
безупречные шелковые костюмы, начищен-
ные до блеска итальянские мокасины и напоминал
внешностью и манерами театрального героя-любов-
ника с тщательно уложенными белокурыми волоса-
ми, щеточкой усов и непринужденной и благодушной
улыбкой человека, живущего в полном согласии с со-
бой и миром. Он происходил из семьи «индейцев» —
эмигрантов, сделавших огромное состояние в Америке
на торговле сахаром. По возвращении они отхватили
лакомый кусок, поучаствовав в электрификации горо-
да. Отец Видалья, патриарх клана, выступал одним из
крупнейших акционеров нашей газеты, и дон Педро
приходил в редакцию как в игорный зал, чтобы разве-
ять скуку, ибо необходимости работать у него не было
никогда. Его нисколько не беспокоило, что издание
теряло деньги столь же неудержимо, как неудержимо
вытекало масло из новых автомобилей, появивших-
ся на улицах Барселоны. Насытившись дворянскими
титулами, семья Видаль увлекалась теперь коллекцио-
нированием лавок и участков под застройку размером
с небольшое княжество в Энсанче.

Педро Видаль был первым, кому я показал набро-
ски своих рассказов. Я сочинил их, когда был еще
мальчишкой и подносил в редакции кофе и папиросы.
У Видалья всегда находилась минутка-другая, чтобы
прочитать мою писанину и дать дельный совет. Со
временем я сделался его помощником, и он доверял
мне перепечатывать свои тексты. Он сам завел разговор
о том, что, если я желаю испытать судьбу на литерату-
рном поприще, он охотно меня поддержит и поспособ-
ствует первым шагам. Верный слову, он бросил меня
теперь в лапы дона Базилио, цербера газеты.

— Видаль — романтик. Он до сих пор верит во
все эти мифы, глубоко чуждые испанскому мента-

литету, вроде меритократии* или необходимости давать шанс достойным, а не тем, кто нагрел себе местечко. Конечно, с его богатством можно себе позволить смотреть на мир сквозь розовые очки. Если бы у меня была сотая доля тех дуру, которые ему некуда девать, я бы писал сонеты, и птички слетались бы со всех сторон и ели у меня из рук, очарованные моей добротой и ангельской кротостью.

— Сеньор Видаль — великий человек, — возразил я.

— И даже более. Он святой, ибо он целыми неделями не давал мне покоя, рассказывая, какой талантливый и трудолюбивый мальчик работает у нас в редакции на посылках, хоть у вас и вид форменного заморыша. Видаль знает, что в глубине души я человек мягкий и уступчивый. Кроме того, он мне посулил в подарок ящик гаванских сигар, если я предоставлю вам шанс. А слову Видаля я верю так же крепко, как и тому, что Моисей спустился с горы со скрижалями в руках, осененный светом истины, открытой ему небожителем. Короче, в честь Рождества, а главное, чтобы наш друг слегка уgomонился, я предлагаю вам попытать счастья, как полагается настоящим героям — всем ветрам назло.

— Огромное спасибо, дон Базилио. Клянусь, вы не раскаетесь, что...

— Не так быстро, молокосос. Ну-ка, что вы думаете об излишнем и неуместном употреблении наречий и прилагательных?

* Меритократия (букв. «власть достойных») — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального и экономического статуса и происхождения.

10 — Это позор, злоупотребление наречиями и прилагательными должно быть классифицировано как уголовное преступление, — отрапортовал я, как новобранец не плацу.

Дон Базилио одобрительно кивнул:

— Молодец, Мартин. У вас четкие приоритеты. В нашем ремесле выживают те, у кого есть приоритеты и нет принципов. Суть дела такова. Садитесь и наострите уши, поскольку я не намерен повторять дважды.

Суть дела заключалась в следующем. По ряду причин (дон Базилио предпочел не углубляться в тему) оборот обложки воскресного выпуска, который традиционно оставляли для литературного эссе или рассказа о путешествиях, в последний момент оказалось нечем заполнить. На эту полосу предполагалось поместить рассказ о деяниях альмогаваров*, проникнутый патриотизмом и пафосной лирикой, — пламенную повесть о том, как средневековые воины героически спасали христианство (канцона к месту там и тут) и все на свете, что заслуживало спасения, от Святой земли до дельты Льебрегата. К сожалению, материал не поступил вовремя. И, как я подозревал, дон Базилио не горел желанием его опубликовать. О проблеме стало известно за шесть часов до сдачи номера в набор. Достойной замены рассказу не было: нашелся только проспект на всю страницу с рекламой корсетов на костях из китового уса, которые обеспечивают божественную фигуру и в придачу иммунитет к макаронам. Совет директоров, оказавшись в безвыходном

* Альмогавары — ударные войска королевства Арагон, сформированные из легкой пехоты, действовавшие в Средиземноморье в XIII—XIV вв. Проявили себя в период испанской Реконкисты. Служили наемниками в Италии и на Леванте.

положении, здраво рассудил, что рано падать духом. Литературных талантов в редакции пруд пруди, и нужно было всего лишь выудить один, чтобы залатать прореху. Для развлечения постоянной семейной аудитории требовалось напечатать в четыре колонки любую вещь общечеловеческого содержания. Список проверенных талантов, к которым можно было бы обратиться, включал десять фамилий, и моя, естественно, среди них не значилась.

— Дружище Мартин, обстоятельства сложились так, что ни один из доблестных рыцарей пера, поименованных в реестре запасных, недоступен физически или же доступен на грани разумных сроков. Перед лицом неминуемой катастрофы я решил дать вам возможность проявить свои способности.

— Можете на меня рассчитывать.

— Лично я рассчитываю на пять листов с двойным междустрочным интервалом до истечения шести часов, дон Эдгар Аллан По. Дайте мне настоящую интригу, а не нравоучительную историю. Если вы предпочитаете проповедь, отправляйтесь на рождественскую всенощную. Дайте мне сюжет, который я еще не встречал, а если встречал, то пусть он будет изложен настолько блестяще и так лихо закручен, чтобы я забыл об этом.

Я собрался уходить, когда дон Басилио поднялся на ноги, обошел стол и положил мне на плечо ручищу размером и весом с добрую наковальню. И лишь теперь, очутившись с ним лицом к лицу, я заметил, что его глаза улыбаются.

— Если рассказ выйдет приличным, я заплачу вам десять песет. А если он получится чертовски приличным и понравится читателям, я опубликую вас снова.

— Какие-нибудь особые пожелания, дон Басилио? — спросил я.

— Да. Не разочаруйте меня.

12 Следующие шесть часов прошли для меня как на передовой. Я устроился за столом, стоявшим в центре редакционного зала. Стол зарезервировали для Видаля — на всякий случай, иногда ему взбрело в голову ненадолго заглянуть в издательство. Зал был пустынным и тонул в тумане, сотканном из дыма десяти тысяч папирос. Я на мгновение закрыл глаза и представил картину: небо затянуто пеленой туч, проливной дождь над городом, прячась в тени, крадется человек с окровавленными руками и загадкой во взоре. Я понятия не имел, кто он такой и почему спасается бегством, но в ближайшие шесть часов незнакомец должен был стать мне лучшим другом. Я заправил лист бумаги в каретку и без проволочек занялся воплощением замысла, созревшего в голове. Я выстрадал каждое слово, фразу, оборот и образ, каждую букву, как будто сочинял последний в своей жизни рассказ. Я писал и переписывал каждую строчку с одержимостью человека, само существование которого зависит от этой работы, а потом перекраивал текст заново. По издательству разносилось гулкое эхо непрерывного стрекота машинки, теряясь в полутемном зале. Большие часы на стене равнодушно отсчитывали минуты, остававшиеся до рассвета.

Без малого в шесть утра я выдернул из машинки последний лист и перевел дух, обессиленный, с ощущением, что у меня в голове роятся пчелы. Я услышал размеренную тяжелую поступь дона Базилио, соблюдавшего положенные часы отдыха. Он пробудился и теперь неспешно приближался ко мне. Я собрал кипу напечатанных страничек и вручил ему, не осмеливаясь посмотреть в лицо. Дон Базилио уселся за соседний стол и зажег настольную лампу. Его взгляд скользил по тексту сверху вниз, не выдавая никаких

эмоций. Затем он на миг отложил на край стола сигару и, не спуская с меня глаз, зачитал вслух первые строчки:

13

— «Ночь накрыла город, и запах пороха стелился по улицам, словно дыхание проклятия».

Дон Базилио глянул на меня исподлобья и расплылся в широкой улыбке, обнажив все тридцать два зуба. Не прибавив ни слова, он встал и вышел, не выпуская из рук моего рассказа. Я смотрел, как он шествует по коридору и исчезает за дверью. Оцепенев, я остался в зале, мучительно раздумывая, стоит ли обратиться в бегство немедленно или все же дожидаться смертного приговора. Через десять минут, показавшихся мне десятилетием, дверь кабинета заместителя главного редактора распахнулась, и громовой голос дона Базилио разнесся по закоулкам редакции:

— Мартин, соблаговолите зайти.

Я оттягивал страшный миг, как мог, и тащился к кабинету, едва переставляя ноги и съезживаясь с каждым шагом. Наконец отступить стало некуда, оставалось только заглянуть в дверь. Дон Базилио, вооруженный разящим красным карандашом, холодно смотрел на меня. Я попробовал проглотить слюну, но рот пересох. Дон Базилио взял рукопись и возвратил мне. Я со всех ног кинулся назад, к двери, убеждая себя, что в вестибюле гостиницы «Колумб» всегда найдется место для лишнего чистильщика ботинок.

— Отнесите это вниз, в типографию, и пусть набирают, — произнес голос у меня за спиной.

Я повернулся, решив, что стал участником какого-то жестокого розыгрыша. Дон Базилио выдвинул ящик письменного стола, отсчитал десять песет и выложил их на столешницу.

— Это вам. Советую на эти деньги обновить гардероб, поскольку я уже четыре года вижу вас в одном

14 и том же costume, и он по-прежнему велик вам размеров на шесть. Если хотите, можете зайти в портновскую мастерскую к сеньору Панталони на улице Эскудельерс, скажете, что от меня. Он отнесется к вам внимательно.

— Большое спасибо, дон Базилио. Я так и поступлю.

— И приготовьте мне еще один рассказ в том же роде. Я даю вам неделю. Но не вздумайте почивать на лаврах. Кстати, постарайтесь, чтобы в новом рассказе было поменьше смертей, так как современному читателю нравится патока — хороший конец, где торжествует величие человеческого духа и прочая дребедень.

— Да, дон Базилио.

Заместитель редактора кивнул и протянул мне руку. Я пожал ее.

— Хорошая работа, Мартин. Я хочу, чтобы в понедельник вы были за столом, где раньше сидел Хунседа. Теперь стол ваш. Я перевожу вас в отдел происшествий.

— Я вас не подведу, дон Базилио.

— Нет, вы меня не подведете. Вы сбежите от меня, рано или поздно. И правильно сделаете, поскольку вы не журналист и не станете им никогда. Но вы также еще и не писатель криминального жанра, каким себя воображаете. Поработайте у нас некоторое время, и мы вас научим кое-каким премудростям, что всегда пригодится.

В тот великий момент, момент признания, настроенность ослабела, и меня затопило чувство столь великой признательности, что мне захотелось обнять этого замечательного человека. Дон Базилио — маска разгневанного громовержца вернулась на привычное место — пригвоздил меня к месту стальным взглядом и указал на дверь.

— Только без дешевых сцен, пожалуйста. 15
Закройте дверь. С обратной стороны. И с Рождеством.

— С Рождеством.

В понедельник я прилетел в редакцию как на крыльях, предвкушая момент, когда впервые сяду за собственный стол, и обнаружил пакет из оберточной бумаги, перевязанный бантом. Мое имя было напечатано на машинке, на которой я немало потрудился за последние годы. Я вскрыл пакет. Внутри лежал оборот обложки воскресного номера с моим рассказом, обведенным в рамку. К посылке прилагалась записка: «Это только начало. Через десять лет я останусь лишь подмастерьем, но ты превратишься в мастера. Твой друг и коллега Педро Видаль».

2

Мой литературный дебют выдержал крещение огнем. Дон Басилио, верный своему слову, дал мне возможность напечатать еще пару рассказов в аналогичном стиле. Вскоре дирекция разрешила издавать мои блестящие опусы еженедельно, но при условии, что я буду неукоснительно выполнять все свои прежние обязанности в редакции за то же самое вознаграждение. Одурманенный тщеславием и утомлением, я целыми днями переделывал тексты коллег и на лету составлял хроники текущих происшествий, изобиловавшие ужасными подробностями. Я надрывался только ради того, чтобы ночью, оставшись в одиночестве в редакционном зале, писать роман, выпускавшийся отдельными главами. Его замысел я давно лелеял в воображении. Лишенный глубины и полноты условности, он под названием «Тайны Барселоны» являл собой беззастенчивую мешанину из